

Дарья Ахтер

УГОВОР С НЕВОЙ

ГОРОД
ПОМНИТ
ДАЖЕ ТО,
ЧЕГО ТЫ
НЕ ЗНАЛА

Дарья Ахтер

Уговор с Невой

<https://litres.ru/74335503>

SelfPub; 2026

Аннотация

Петербург построен на болоте по причине вполне стратегической — а вот цену за это назначила уже сама река. Каждую ночь, пока мосты разведены, город на несколько часов приоткрывает дверь туда, где живут те, кто не вписался в обычный Петербург. Кто-то должен эту дверь закрывать. Без выходных, без благодарности и, желательно, без лишних эмоций.

Захар Мостовой делает это по наследству — с фирменным сарказмом, персональным недосыпом и стойким убеждением, что романтика придумана людьми, которым не приходилось разговаривать с рекой в два часа ночи.

Соне Тихомировой в наследство досталась комната в коммуналке на Васке, семь неправильно идущих часов и говорящий кот с отчеством. Она хотела просто нормально пожить в новом городе. Не вышло.

Содержание

ПРОЛОГ	5
ГЛАВА ПЕРВАЯ	9
ГЛАВА ВТОРАЯ	18
ГЛАВА ТРЕТЬЯ	26
ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ	31
ГЛАВА ПЯТАЯ	36
ГЛАВА ШЕСТАЯ	41
ГЛАВА СЕДЬМАЯ	47
ГЛАВА ВОСЬМАЯ	53
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Дарья Ахтер

Уговор с Невой

УГОВОР С НЕВОЙ

городское фэнтези

Люблю тебя, Петра творенье,

Люблю твой строгий, стройный вид,

Невы державное течение,

Береговой её гранит...

А. С. Пушкин, «Медный всадник»

Город на болоте прощает многое.

Не прощает он только одного — забывчивости.

из петербургских быличек, автор неизвестен

ПРОЛОГ

В котором город заключает сделку, а сделка, как водится, оказывается не совсем той, что обещали

Город, в котором вы, возможно, живёте — или в котором хотя бы раз мёрзли на набережной, фотографируя разведённый мост в три часа ночи, как будто это что-то меняет, — построен на болоте по причине вполне стратегической: выход к Балтике, торговые пути, окно в Европу и всё остальное, что положено писать в учебниках жирным шрифтом. Царь знал, что делал. Болото, впрочем, никто заранее не спросил, а у болота, как выяснилось, было на этот счёт своё мнение — куда менее государственное и куда более личное.

У любого стратегически верного решения тоже есть цена, и цену за это конкретное решение никто заранее не озвучил — потому что, если быть до конца честными, спрашивать никто и не собирался.

Нева на тот момент была не рекой в привычном смысле — то есть не просто водой, которая течёт куда ей велит рельеф. Она была старше рельефа, старше самой идеи о том, что вода должна кому-то подчиняться. Свидетели (те немногие, кто выжил, чтобы стать свидетелями) описывали её по-разному: кто-то видел женщину в сером, кто-то — просто рябь, которая смотрит в ответ. Сходились в одном: разговаривать с ней было всё равно что вести переговоры с погодой, у которой

внезапно появилось чувство юмора. Чёрное. Очень чёрное.

Первую сваю в дно вбили в мае 1703 года. К вечеру того же дня утонуло, по разным подсчётам, от трёх до тридцати человек — цифра росла в зависимости от того, кто и через сколько лет пересказывал историю за рюмкой. Утонули не потому, что не умели плавать. Умели, ещё как. Просто вода в тот вечер решила, что плавать не время.

К инженеру, руководившему стройкой — человеку практичному, уставшему и совершенно не готовому к переговорам с потусторонним, — ночью явилась женщина. Промокшая насквозь, хотя дождя не было. Спокойная, хотя всё вокруг орало и тонуло. Она сказала простую вещь: город будет стоять, если раз в сутки, в определённый час, ему будут открывать дверь. И захлопывать её тоже вовремя — иначе то, что войдёт, обратно уже не выпустят.

Инженер, будучи человеком практичным, спросил: а что, если просто не открывать?

Женщина улыбнулась — и температура на набережной упала градусов на десять, что для мая было даже как-то демонстративно. После этого вопросов больше не задавали.

Так родилась традиция, которую два века спустя горожане будут называть романтической: развод мостов. Туристы будут стоять с телефонами, снимая, как чёрная громада моста медленно поднимается в небо, и умиляться. Никто из них не будет знать, что в этот момент, на несколько часов, город вежливо приоткрывает дверь в место, которого по докумен-

там не существует — и что кто-то, стоя в стороне от толпы, с термосом плохого кофе и выражением лица человека, которого разбудили в неурочный час, следит, чтобы дверь закрылась обратно. Вовремя. Всегда вовремя.

Должность эта не значится ни в одном штатном расписании города. Зарплату за неё не платят — платят кое-чем другим, и это отдельный, довольно неприятный разговор. Передаётся она по наследству, как фамильная мебель, которую невозможно продать, потому что она треснет в руках у любого, кроме законного владельца.

На момент начала этой истории должность занимает мужчина тридцати двух лет, который искренне считает, что его семье просто не повезло в 1703 году оказаться не в том месте не в то время — а точнее, оказаться единственными, кто согласился разговаривать с промокшей женщиной вместо того, чтобы бежать. Он не просил об этой работе. Он не в восторге от этой работы. Но он единственный, кто её умеет делать, а Нева, при всей своей бездонной, буквально, вредности, ценит профессионализм.

• • •

Дворцовый мост поднимался медленно, как всегда — будто нехотя, будто у чугуна тоже случаются понедельники.

Захар Мостовой стоял у перил, там, где толпа туристов заканчивалась и начиналась зона, куда обычному человеку заходить не хотелось без объяснимой причины. Кофе в термосе давно остыл. Часы на телефоне показывали 01:52 —

восемь минут до того, как разведённый пролёт должен был начать движение обратно, и все, кто перешёл на ту сторону, обязаны были успеть вернуться.

Обычно на этом моменте ничего интересного не происходило. Обычно.

Сегодня со стороны Стрелки, из-под моста, тянуло холодом — неправильным, слишком густым для конца мая, — и по чёрной воде расходились круги, будто там что-то ворочалось, готовясь всплыть, а рядом, у самой кромки Изнанки, куда обычному глазу вход заказан, стояла фигура, которой там быть не полагалось. И которую Захар, при всей своей многолетней практике, узнать не мог.

— Ну конечно, — сказал он вслух, ни к кому конкретно не обращаясь, потому что разговаривать с пустотой в два часа ночи было для него привычнее, чем разговаривать с людьми. — Именно сегодня. Именно за восемь минут до закрытия.

Он посмотрел на часы. Потом на воду. Потом ещё раз на часы, будто это могло что-то изменить.

Не изменило.

— Ладно, — сказал он и шагнул туда, куда ходить был обязан по должности, а не по желанию. — Посмотрим, что тебе от меня нужно.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

В которой выясняется, что наследство — это не только сервис на двенадцать персон

«Не выбирайте квартиру по фотографиям. Фотографии не показывают, чем пахнет подъезд, и не предупреждают о жильцах, которые дольше вас».

из городского паблика «Питер, ты чего»

Соня Тихомирова стояла посреди двора-колодца дома номер семнадцать по Среднему проспекту Васильевского острова и честно пыталась понять, испытывает ли она сейчас нечто судьбоносное или просто хочет в туалет после четырёх часов в плацкартном вагоне.

Двор был из тех, что на туристических фотографиях выглядят загадочно готично, а вживую пахнут сыростью и чужим борщом. Стены поднимались вверх колодцем такой глубины, что небо над головой казалось не небом, а почтовой маркой — маленькой, серой, приклеенной куда-то очень далеко. Где-то на пятом этаже хлопнуло окно. Где-то на первом орал кот — не тот, что ей предстояло вскоре узнать лично, а какой-то совершенно посторонний, воспитывающий себе территорию.

В руках у Сони были два чемодана, рюкзак и картонная коробка с надписью «ХРУПКОЕ», в которой лежали, если быть точной, кружка, три книги и фотография родителей —

то есть ничего хрупкого там не было, просто на коробке так было написано, когда она забирала её с прошлой съёмной квартиры, и Соня решила не тратить время на новую надпись.

Наследство свалилось на неё три недели назад, вместе со звонком от нотариуса, чей голос звучал так, будто он зачитывал сводку погоды: скончалась Клавдия Игнатьевна Тихомирова, двоюродная бабушка по отцовской линии, в возрасте восьмидесяти семи лет, оставила Соне комнату восемнадцать целых и шесть десятых квадратных метра в коммунальной квартире на Васильевском острове. Соня видела бабу Клаву три раза в жизни. Один раз — в пять лет, и запомнила только, что у той были очень холодные руки и привычка держать в комнате слишком много часов, которые тикали не в такт друг другу. Два других раза не запомнила вообще.

«Ну хоть что-то», — подумала тогда Соня, у которой на тот момент из имущества были съёмная студия на окраине, работа корректором в издательстве, переехавшем на удалёнку и забывшем сообщить об этом половине штата, и стойкое ощущение, что жизнь идёт как-то мимо, по соседней улице, куда её не приглашали.

• • •

Дверь подъезда оказалась той самой дверью, которую невозможно сфотографировать так, чтобы она выглядела безопасной: обитая рваным дерматином, с кодовым замком, у которого не хватало половины кнопок, и с запиской «ЗВО-

НИТЕ В КВ. 4, КОД НЕ РАБОТАЕТ УЖЕ ПОЛГОДА», приклеенной скотчем поверх самого замка — с явным намёком, что чинить его никто и не собирался.

Соня позвонила в квартиру четыре. Через минуту дверь распахнулась с такой силой, будто её ждали несколько часов, и на пороге возникла женщина лет семидесяти, в цветастом халате, с бигуди, которые давно перестали выполнять свою прямую функцию и превратились скорее в элемент личности.

— Тихомирова? — спросила женщина таким тоном, будто проводила перекличку. — Клавина племянница?

— Внучатая, — уточнила Соня. — Но да, я.

— Валентина Петровна, — представилась женщина и тут же, не переводя дыхания, добавила: — Комната Клавы в конце коридора, третья дверь, там на косяке ещё её табличка «НЕ ВХОДИТЬ, РАБОТАЮ», можешь снять, она давно уже никуда не работала, царствие небесное. Ключи у меня, потому что твоя бабка мне их оставила «на всякий случай», а какой случай она имела в виду, я так и не поняла, но вот, значит, случай настал.

Она вручила Соне связку ключей — их было пять, разного возраста, один явно дореволюционный по виду, — и, прежде чем Соня успела спросить хоть что-то, продолжила:

— Ты у нас теперь пятая по коридору. Есть я, есть Митрич из четвёртой, он тихий, не бойся, просто много молчит и иногда стоит у окна ночью, это нормально. Есть Раечка с

сыном, он у неё гоняет на самокате по коридору, ты привыкнешь. И Ерофеич, но Ерофеича ты, скорее всего, вообще не увидишь, он появляется раз в месяц за пенсией и снова пропадает — говорят, у него дача, я лично считаю, что дача — это такое вежливое слово для чего-то другого, но не мне судить.

— А кот? — спросила Соня, не совсем понимая, зачем спрашивает, но во дворе она видела миску с надписью «ТИМОФЕЙ КУЗЬМИЧ, НЕ КОРМИТЬ БЕЗ РАЗРЕШЕНИЯ», и это показалось ей достаточно странным, чтобы прояснить.

Валентина Петровна посмотрела на неё как-то иначе. Дольше, чем требовал вопрос.

— А, этот, — сказала она наконец, и в голосе появилась интонация, с которой обычно говорят о соседе, чья собака слишком умная, чтобы быть просто собакой. — Он сам по себе. Клава его кормила. Теперь, видимо, тебе кормить.

— У него отчество есть, у кота?

— Ты просто покорми его, — сказала Валентина Петровна тоном, который не оставлял пространства для дальнейших вопросов, развернулась и захлопнула дверь квартиры четыре с такой решительностью, будто аудиенция была окончена по регламенту, которого Соня не видела, но который явно существовал.

• • •

Комната бабы Клавы пахла старой бумагой, лавандовым мылом и — совсем немного, на грани восприятия — рекой.

Не сыростью в общем смысле, а именно рекой: илом, ряской, тем особым запахом, который бывает на набережной поздним вечером, когда вода стоит низко и думает о чём-то своём.

Соня поставила чемоданы у двери и осмотрелась. Комната была узкая, вытянутая, с одним высоким окном, выходящим не во двор-колодец, а — что было почти чудом для этого дома — на реку, тонкой серебристой полосой видную между крышами. Вдоль одной стены стоял старый комод, на котором теснились часы. Не одни. Штук семь, разных форм и эпох, ни одни не показывали одинаковое время, и ни одни, насколько Соня могла судить по беглому взгляду, вообще не показывали правильное время — все врал, но каждый по-своему.

Над комодом висело зеркало в тёмной раме, завешенное куском ткани — обычай, Соня знала, соблюдают после смерти в доме, занавешивают зеркала на сорок дней, чтобы душа не задержалась, глядя на себя. Прошло уже больше трёх недель. Кто-то — видимо, Валентина Петровна, из уважения — оставил ткань висеть.

Соня подошла и, повинувшись чему-то среднему между усталостью и любопытством, потянула ткань за край.

Ничего страшного не произошло. Зеркало как зеркало, чуть потускневшее, в углу — трещина, зашедшая от рамы внутрь стекла тонкой серебряной нитью. Соня увидела своё отражение: тёмные волосы, наспех собранные в пучок по-

сле поезда, лицо уставшее, но не безнадёжно, и глаза — тёмно-карие, с рыжеватым отливом на свету, того самого цвета, который мама всегда называла «жёлудёвым», хотя Соня всю жизнь считала, что это просто вежливая версия слова «обычные».

Она смотрела на себя ровно столько, сколько требуется, чтобы решить, что выглядит нормально для человека, который весь день провёл в поезде, — и в этот момент часы на комоде, все семь, одновременно остановились.

Не одни за другим. Все сразу. Тиканье, которое Соня даже не осознавала как фон, вдруг прекратилось, и тишина, наступившая следом, оказалась настолько плотной, что Соня слышала собственное сердцебиение.

— Ладно, — сказала она вслух, чувствуя себя немного глупо от того, что разговаривает с пустой комнатой на пятый день после переезда. — Просто совпадение. Батарейки сели одновременно. Бывает.

Из-под кровати кто-то произнёс:

— Не бывает.

• • •

Соня не закричала — этим фактом она потом будет тихо гордиться месяцами, — а просто очень быстро отступила к двери и остановилась, потому что дальше отступать было некуда, а голос, судя по всему, никуда спешить не собирался.

Из-под кровати неторопливо, с достоинством, которое было бы уместнее на дипломатическом приёме, вышел кот.

Крупный, рыжий, с одним рваным ухом и взглядом, в котором читалось многолетнее разочарование в человечестве. На шее у него была потрёпанная лента, а на ленте — бирка, на которой действительно значилось «ТИМОФЕЙ КУЗЬМИЧ».

— Часы остановились, потому что хозяйка умерла, а дом ещё не решил, кто теперь хозяйка, — сообщил кот таким тоном, каким обычно зачитывают инструкцию по технике безопасности: без всякого удовольствия, но и без права на пропуск важных пунктов. — Обычно это занимает какое-то время. Иногда — годы. У тебя, судя по скорости, с которой скрипнула дверь, когда ты вошла, дело пойдёт быстрее, чем у большинства.

Соня открыла рот. Закрыла. Открыла снова.

— Ты кот, — сказала она наконец, с интонацией человека, который констатирует факт исключительно ради того, чтобы услышать, как он звучит вслух.

— Формально, — согласился Тимофей Кузьмич, запрыгивая на комод с точностью, которая никак не вязалась с его комплекцией, и садясь между остановившимися часами так, будто это было его законное место. — По документам, если бы у меня были документы. Фактически я здесь дольше, чем стоит этот дом, и котом бываю в основном для удобства — вашего, не моего. Человеческая психика плохо справляется с альтернативами.

— Я устала, — сказала Соня, садясь прямо на пол, потому

что ноги внезапно решили, что с них хватит. — Я четыре часа ехала в плацкарте рядом с человеком, который ел курицу с рук и обсуждал это по громкой связи с женой. Я не готова к говорящим котам.

— Никто никогда не готов, — согласился кот с той спокойной снисходительностью, с которой опытные люди относятся к чужой панике. — Это, впрочем, не освобождает от необходимости. Твоя бабка была готова тридцать лет назад, когда унаследовала эту комнату примерно так же, как ты сейчас — от родственницы, которую видела три раза, — и знаешь, что она сделала в первый вечер?

— Что?

— Заварила чай, — сказал Тимофей Кузьмич. — И выслушала. Рекомендую тот же порядок действий. Чайник на подоконнике, заварка в жестяной банке с надписью «САХАР» — Клава всегда путала банки специально, считала, что так надёжнее от воров, хотя, честно говоря, не совсем понимаю, каких именно воров она опасалась в квартире, где все двери давно не запираются.

Соня посмотрела на него долгим взглядом, в котором усталость медленно уступала место чему-то, отдалённо напоминающему решимость.

— И ты мне сейчас объяснишь, что вообще происходит?

— Не сегодня, — ответил кот, зевая с такой демонстративностью, что стало ясно: разговор для него окончен. — Сегодня — чай. Объяснения — это по адресу к мосту, а мост

сегодня уже закрылся. Спи, Софья Тихомирова. Дом привыкнет к тебе быстрее, если ты для начала перестанешь бояться собственной комнаты.

Он свернулся между часами и, судя по мерному звуку, немедленно заснул — или очень убедительно сделал вид. Часы за его спиной, все семь, одновременно, чуть слышно, снова начали тикать. Не в такт друг другу, как и раньше. Но тикать.

Соня осталась сидеть на полу ещё какое-то время, глядя на кота, на зеркало, на серебряную полоску реки в окне — и думала о том, что первое правило взрослой жизни в новом городе, наверное, звучит так: если тебе достался в наследство говорящий кот, лучше сразу поставить чайник, чем спорить с фактами.

Она встала, подошла к подоконнику и нашла жестяную банку с надписью «САХАР», в которой, разумеется, оказался чай.

ГЛАВА ВТОРАЯ

В которой выясняется, что вежливость — не самая сильная сторона Захара Мостового

«Работа разводящего непыльная. В том смысле, что пыль не успевает осесть — ты либо спишь, либо уже на мосту».

из внутренней инструкции ГУП «Мостотрест», раздел «Техника безопасности»

Фигура у воды исчезла ровно за полторы секунды до того, как Захар успел разглядеть хоть что-то, кроме силуэта. Не убежала, не растворилась картинно, как это любят показывать в кино — просто в какой-то момент её там не стало, а на граните набережной остался мокрый след, который высыхал неправильно: не съёживался от краёв к центру, как положено воде, а стягивался в рисунок. Спираль. Аккуратная, будто её начертили циркулем.

Захар присел на корточки, сфотографировал след на телефон, зная, что через минуту на фотографии останется только мокрое пятно без всякого рисунка — так было всегда, — и всё равно сфотографировал, потому что вести себя так, будто правила иногда меняются, было единственным способом сохранить рассудок на этой работе.

Мост встал на место без четверти три, минута в минуту, как и всегда. Захар проверил крепления, расписался в жур-

нале разводки — в официальном, том, что для ГУП «Мостотрест», где его должность значилась скучно и правдиво: «оператор разводного пролёта», — и уже дома, в половине четвёртого утра, достал журнал другой. Тот, что для ГУП «Мостотрест» не значился нигде, потому что организации, которая могла бы его завести, официально не существовало последние триста с лишним лет.

• • •

Квартира Захара располагалась в двух остановках от моста и была устроена по принципу, который сам он формулировал как «функциональный минимализм», а любой посторонний человек назвал бы «здесь совершенно нечем заняться, кроме как работать». Диван, стол, полка с книгами по гидрологии, которые он не открывал годами, потому что знал их наизусть, и старинный секретер — фамильная вещь, доставшаяся от деда, — в котором хранился вахтенный журнал рода Мостовых.

Журнал был толстый, в потёртом кожаном переплёте, и пополнялся с 1703 года — сначала аккуратным писарским почерком восемнадцатого века, потом всё более неровным, торопливым, будто у каждого следующего Мостового было всё меньше времени на каллиграфию и всё больше — на реальную работу. Последняя запись, сделанная почерком Захара, датировалась вчерашним вечером и заканчивалась словами «фигура, спираль, происхождение неизвестно» — фраза, которую он ненавидел писать, потому что «происхожде-

ние неизвестно» означало, что придётся выяснять.

Он налил себе кофе — крепкий, без сахара, потому что сахар, по его глубокому убеждению, был придуман людьми, у которых есть время на радость по утрам, — и открыл журнал на чистой странице. Ручка зависла над бумагой ровно на секунду дольше, чем нужно, а затем страница сама, без всякого участия чернил, начала покрываться рябью — так журнал показывал новые записи, которые появлялись не от руки, а от самого города, если тому было что сообщить.

Текст проступил медленно, будто сквозь воду: «Средний проспект В.О., д. 17, кв. 4, комн. 3. Дом сменил хозяйку. Часы остановлены одновременно, семь штук. Резонанс с южным устоем Дворцового моста подтверждён».

Захар поставил кружку на стол с той аккуратностью, с которой обычно ставят предмет, чтобы не разбить его в приступе раздражения.

— Отлично, — сказал он вслух, ни к кому конкретно, потому что это уже становилось у него фамильной привычкой. — Просто отлично. Кто-то умер, кто-то унаследовал, дом решил устроить фейерверк, а на набережной тем временем разгуливает нечто со спиральным почерком. Прекрасное утро, прекрасный вторник, ничего не предвещало.

• • •

Дом номер семнадцать по Среднему проспекту Захар знал — не близко, но достаточно, чтобы помнить, что там жила одна из «тихих» линий, не Мостовые, но родственная по

функции: хранители, которые держат баланс не на мосту, а в стенах старых домов, не выпуская наружу то, что копится в них десятилетиями. Клавдия Игнатьевна Тихомирова была последней в этой линии, о ком он знал лично — видел её пару раз издалека, на весенних собраниях хранителей, куда съезжались по обязанности, а не по желанию, ровно как и он сам.

То, что она умерла, Захар уже слышал — сарафанное радио между хранителями работало эффективнее любого мессенджера. Чего он не знал — что наследница появится настолько быстро и настолько демонстративно разбудит весь дом одновременной остановкой семи часов, будто нарочно установила пожарную сигнализацию посреди ночи.

Дверь подъезда, как и положено, оказалась без исправного замка. Захар вошёл, поднялся на третий этаж, позвонил в квартиру четыре — привычка, а не необходимость, потому что искать нужную комнату он мог бы и без объявлений, дом сам подсказывал дорогу тому, кто умел слушать, — и на пороге снова возникла Валентина Петровна, на этот раз без бигуди, но с прежним выражением лица человека, готового к перекличке.

— Опять вы, — сказала она без особого энтузиазма, но и без удивления, как будто визиты странных людей по утрам были для неё делом привычным, что, вероятно, отчасти было правдой. — Клавино племянницу пришли смотреть?

— В некотором роде, — сказал Захар. — Она дома?

— Только-только чайник поставила. И учтите, — Валентина Петровна понизила голос до конспиративного шёпота, хотя вокруг никого не было, — она пока не в курсе. Ни про часы, ни про кота, ни про прочее. Вы уж как-нибудь помягче.

— Я всегда мягкий, — сказал Захар с интонацией, которая опровергала произнесённое ровно в тот момент, когда звук долетал до собеседника.

Валентина Петровна посмотрела на него с сомнением, но посторонилась.

• • •

Соня открыла дверь комнаты с кружкой в руке и лицом человека, который не спал толком вторую ночь подряд — сначала от переезда, потом от разговорчивого кота, — и обнаружила на пороге незнакомого мужчину лет тридцати, в рабочей куртке с логотипом «Мостотрест» на груди, с тёмными кругами под глазами и выражением лица, которое можно было бы назвать вежливым, если бы не явное усилие, с которым это выражение удерживалось.

— Здравствуйте, — сказал он. — Захар Мостовой. Пришёл по поводу часов.

Соня посмотрела на него. Потом на табличку «Мостотрест» на куртке. Потом снова на него.

— У меня в комнате остановились часы, и городская служба мостов прислала специалиста, — сказала она медленно, как человек, который озвучивает мысль вслух, чтобы услышать, насколько она нелепа. — Простите, я правильно

понимаю ситуацию?

— Не совсем, но для начала сойдёт, — сказал Захар и, не дожидаясь приглашения, шагнул мимо неё в комнату — с уверенностью человека, для которого понятие личных границ было чем-то средним между теорией и легендой.

— Пожалуйста, проходите, — сказала Соня ему в спину.

— Уже, — отозвался он, не оборачиваясь.

Он остановился у комода, посмотрел на семь застывших циферблатов, каждый из которых показывал своё собственное неправильное время, затем на зеркало без ткани, затем на трещину в стекле — и, судя по едва заметному движению бровей, нашёл всё это в целом ожидаемым и от этого ещё более раздражающим.

— Тимофей Кузьмич, — сказал он в пустоту, — ты мог бы и предупредить, что дом наконец определился.

Из-под кровати, с достоинством, донеслось:

— Я работаю по контракту с хозяйкой дома, а не с городской службой. Обращайтесь в письменной форме.

Соня перевела взгляд с кота на Захара и обратно, чувствуя, как внутри неё усталость окончательно уступает место чему-то вроде смирения — той стадии, что наступает после паники, когда человек решает, что раз уж мир сошёл с ума, то хотя бы стоит выяснить правила.

— Вы двое знакомы, — констатировала она.

— К сожалению, — одновременно сказали кот и Захар, и от этой синхронности Соня едва не рассмеялась — впервые

за два дня, — хотя ситуация к смеху совершенно не располагала.

— Ладно, — сказала она, садясь на край кровати, потому что стоять больше не было сил ни физических, ни моральных. — Мостотрест, часы, спиральные следы — вы же за этим пришли, я по лицу вижу, — говорящий кот, покойная бабушка, о которой я ничего не знаю. Может, кто-нибудь наконец объяснит мне, что происходит, вместо того чтобы обмениваться колкостями у меня в комнате?

Захар посмотрел на неё — по-настоящему посмотрел, впервые с момента, как вошёл, — и в этом взгляде на секунду мелькнуло что-то, отдалённо похожее на уважение к человеку, который не стал закатывать истерику, а сразу потребовал повестку дня.

— Хорошо, — сказал он, придвигая себе единственный свободный стул и садясь на него верхом, руки на спинку, с видом человека, приготовившегося к длинному и не самому приятному разговору. — Только предупреждаю сразу: чай остынет быстрее, чем я закончу, а объяснение вам всё равно не понравится.

— Переживу, — сказала Соня. — У меня вчера был день, когда кот из-под кровати сказал мне «не бывает». Мою планку удивления вы уже не пробьёте.

Что-то в углу губ Захара дрогнуло — не улыбка, скорее её дальний, осторожный родственник, — и он произнёс, впервые за весь визит, почти без сарказма:

— Не был бы так уверен.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

В которой Соне читают лекцию, которую не заказывали, а после — приносят повестку, которую не звали

«Уговор не спрашивает, готовы ли вы. Уговор просто ждёт, пока вы поймёте, что готовы уже давно».

из вахтенного журнала рода Мостовых, запись без даты

— Хорошо, — сказал Захар, поставив локти на спинку стула с видом человека, читавшего эту лекцию столько раз, что мог бы делать это во сне, и, судя по интонации, предпочёл бы именно так. — Версия для тех, кому некогда: город построили на болоте из вполне трезвого расчёта — Балтика, торговля, вот это всё, — но у болота на этот счёт нашлось своё мнение, и оно потребовало компенсацию. Раз в сутки, когда мост разводится, между нашим Петербургом и Изнанкой открывается проход. Кто-то должен следить, чтобы проход закрывался вовремя. Это моя семья. Уже триста с лишним лет, без отпуска и без благодарности.

— Изнанка, — повторила Соня, пробуя слово на вкус, как пробуют незнакомую еду, не уверенные, стоит ли глотать. — Это типа параллельного мира?

— Это скорее подкладка пальто, — сказал Захар. — Тот же город, та же ткань, только вывернуто наизнанку, и там остаётся всё, что обычный Петербург выкинул, снёс, забыл или утопил. Призраки расселённых коммуналок. Утоплен-

ники, которым есть что сказать. Существа, которые старше самого понятия «Петербург» и которым в целом плевать на архитектурные памятники ЮНЕСКО.

Тимофей Кузьмич, до этого делавший вид, что спит на комод, приоткрыл один глаз.

— Он упрощает, — заметил кот. — Но в целом суть верна. Изнанка — это память города. А память, как известно любому, кто хоть раз пытался забыть бывшего, никуда не девается просто потому, что вы переехали.

— Спасибо, — сухо сказал Захар коту. — Очень своевременная метафора.

— Обращайся, — отозвался Тимофей Кузьмич и снова закрыл глаз.

• • •

— Ладно, — сказала Соня, стараясь удержать в голове одновременно и слово «Изнанка», и факт разговаривающего кота, и то, что человек напротив неё, кажется, всерьёз считал это утренней рутиной. — Допустим. При чём здесь я? Я переехала в комнату, а не подписывалась на... на что бы это ни было.

Захар посмотрел на неё долгим взглядом, в котором на секунду мелькнуло что-то похожее на сочувствие — очень быстро спрятанное обратно, будто он застал себя за неприличным жестом.

— Ваша бабушка была не просто пожилой женщиной с семью неправильными часами, — сказал он. — Она была хра-

нительницей дома. Не моя специализация — мостовая ветка, а есть ещё домовая: люди, которые держат баланс не на переправах, а внутри стен. Не дают тому, что накопилось в старых квартирах за века, вылезти наружу и начать разбираться с живыми жильцами напрямую. Она делала это тридцать лет. Теперь дом сменил хозяйку. Часы — это способ дома объявить об этом на всю округу, вроде фейерверка. Не самый тихий способ, но у домов нет твиттера, приходится обходиться тем, что есть.

— То есть я теперь... кто? Управдом с привилегиями?

— Скорее нянька для очень старого и очень капризного ребёнка, который умеет двигать мебель, если ему не нравится ваше поведение, — сказал кот с комода, не открывая глаз.

Соня посмотрела на семь остановившихся часов, на трещину в зеркале, на кота, изображающего безразличие с мастерством театрального актёра, и почувствовала, как в груди медленно закипает не паника — паника уже закончилась накануне, — а что-то более практичное и от этого более опасное: любопытство.

— Хорошо, — сказала она. — И как это работает? Инструкция есть?

— Обычно да, — сказал Захар. — Обычно предыдущий хранитель успевает подготовить следующего. Годами. Ваша бабушка, судя по всему, не успела — либо не хотела, либо не думала, что времени так мало. Так что инструкции у вас нет. Есть я, которому по долгу службы придётся вводить вас в

курс дела, потому что дом на моём участке, а я не в восторге от перспективы объяснять начальству, почему новый анкер города разгуливает без понятия, что делает.

— «Анкер»? — переспросила Соня. — Звучит как деталь из инструкции к мебели.

— По сути, недалеко от истины, — сказал Захар. — Дома вроде этого держат город на месте не хуже свай. Их сносят — и город в этом месте слегка... забывает себя. Обычно незаметно. Пара снесённых коммуналок за десятилетие — терпимо, город большой, ему есть чем компенсировать. Но в последний год кто-то сносит их куда быстрее, чем терпимо.

Он произнёс это ровным тоном, но что-то в том, как он замолчал после этих слов — на долю секунды дольше, чем требовала фраза, — подсказало Соне, что для него самого это не абстрактная статистика.

• • •

В дверь постучали — резко, деловито, тем стуком, каким стучат люди, у которых есть бланк и мало времени. Валентина Петровна, не дожидаясь ответа, приоткрыла дверь и просунула голову внутрь с выражением лица человека, приносящего дурные вести и втайне довольного, что не ему их получать.

— Соня, там внизу... — она замялась, увидев Захара, но быстро решила, что присутствие постороннего её не остановит. — Там курьер, просит расписаться. Из управляющей компании. Говорит, срочное.

Соня переглянулась с Захаром. Его лицо — до этого момента державшее ровно одно выражение вежливого раздражения — стало на секунду совершенно неподвижным, тем видом неподвижности, что бывает у людей за миг до того, как они скажут вслух то, что уже поняли молча.

— Спускайтесь, — сказал он, вставая со стула так резко, что тот качнулся. — Я с вами.

— Это, наверное, просто счёт за капремонт, — сказала Соня, уже понимая по его лицу, что ошибается.

— Наверное, — согласился Захар тоном, не оставлявшим сомнений, что он думает прямо противоположное, и первым шагнул к двери, а Тимофей Кузьмич, спрыгнув с комода с гораздо большей поспешностью, чем демонстрировал последние полчаса, потрусил следом, бормоча себе под нос что-то про «началось, а даже чай остыть не успел».

ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ

В которой бумага оказывается холоднее, чем положено бумаге

«Реновация — хорошее слово. В нём почти не слышно, что кого-то выселяют».

из колонки городского паблика «Питер, ты чего»

Курьер оказался юношей лет двадцати, в жёлтом жилете поверх куртки, с планшетом в руках и выражением лица человека, которому за смену нужно закрыть ещё пятнадцать адресов и совершенно не хочется вникать, что происходит в шестнадцатом. Он топтался у подъезда, явно не горя желанием подниматься на третий этаж без лифта.

— Тихомирова Софья Андреевна? — спросил он, сверяясь с планшетом, и, не дожидаясь подтверждения, протянул конверт. — Распишитесь вот тут. И вот тут. И тут, это уведомление о получении уведомления, не спрашивайте, я сам не понимаю, зачем два раза.

Соня расписалась, чувствуя на себе взгляд Захара — тяжёлый, сосредоточенный, тот самый, каким смотрят не на курьера, а сквозь него, на что-то важнее. Курьер, впрочем, ничего необычного не источал: обычный уставший молодой человек, каких в городе тысячи, разве что руки у него, когда он передавал планшет, оказались подозрительно холодными для конца мая — но Соня списала это на то, что человек весь

день таскает металлический планшет по сырым питерским подъездам.

Едва получив вторую подпись, курьер развернулся и почти сбежал — с той поспешностью, с которой люди уходят от мест, где им не по себе, даже если сами не могут объяснить почему.

• • •

Конверт был плотный, дорогой на ощупь — не казённая серая бумага районной управляющей компании, а что-то куда более представительное, с тиснёным логотипом в углу. Соня вскрыла его прямо у подъезда, развернула лист, и первое, что бросилось в глаза, — не текст, а эмблема наверху: стилизованная спираль, вписанная в очертания невской волны, а под ней название — ООО «Новый Берег», девелоперская компания, о которой Соня, к своему стыду, что-то смутно слышала из новостей про снос гаражей на Петроградке.

«Уведомляем вас, — гласил текст, написанный тем особым канцелярским языком, который умудряется звучать вежливо и угрожающе одновременно, — что многоквартирный дом по адресу: Средний пр. В.О., д. 17, признан аварийным в рамках программы реновации исторической застройки и подлежит расселению с последующим сносом. Собственникам и нанимателям надлежит освободить занимаемые помещения в срок до...»

Дата стояла через двадцать шесть дней.

Захар, читавший из-за её плеча — снова без всякого поня-

тия о личных границах, — издал звук, средний между смешком и ругательством.

— Спираль, — сказал он тихо, кивнув на эмблему. — Узнаёте? Я вчера ночью снимал точно такую же на набережной. Мокрым следом на граните.

Соня почувствовала, как по спине пробежал холодок, никак не связанный с майской погодой.

— Совпадение? — спросила она без особой надежды в голосе.

— В моей практике совпадений практически не бывает, — сказал Захар. — Бывают закономерности, которые кто-то очень старается выдать за совпадения.

• • •

Тимофей Кузьмич, всё это время сидевший на ступеньке подъезда с видом наблюдателя, приставленного следить, но не вмешиваться, наконец подал голос:

— «Новый Берег» за последний год расселил четыре дома на Ваське и четыре на Петроградке, — сообщил он тоном справочного бюро. — Все — с анкерами. Все — стремительно, без обычной бюрократической возни, которая у города должна занимать месяцами, а у них почему-то занимает недели. Совпадение, к слову, тоже практически не бывает.

— Откуда ты знаешь? — спросила Соня, уже не особо удивляясь, что кот в курсе городской статистики по недвижимости лучше, чем она сама.

— Коты слушают у форточек, — сказал Тимофей Кузь-

мич таким тоном, будто это объясняло всё, и, строго говоря, для Сони на тот момент этого было уже вполне достаточно.

Захар сложил уведомление, сунул его в карман куртки — не спрашивая разрешения, что Соня отметила про себя как повторяющуюся у него привычку, — и посмотрел на неё с выражением, в котором сарказм впервые за утро отступил на второй план, пропустив вперёд что-то более серьёзное.

— Двадцать шесть дней, — сказал он. — Если дом снесут, анкер исчезнет. Если анкер исчезнет здесь же, где вчера ночью я видел ту фигуру у моста, — это уже не просто девелоперская жадность. Это кто-то методично выдёргивает город из-под уговора, дом за домом, и я очень хочу знать, кто и зачем.

— А я, значит, попала в эти двадцать шесть дней случайно, — сказала Соня, стараясь, чтобы голос звучал ровно, хотя внутри всё сжималось при мысли о доме бабы Клавы, семи неправильных часах и коте, которых она знала два дня, но уже не готова была отдавать без боя.

— Ничего в этом городе не случайно, — сказал Захар, и впервые за утро в его голосе не было ни капли сарказма — только сухая, деловая решимость. — Но раз уж вы всё равно теперь хранительница, добро пожаловать в команду. Работа без оплаты, без нормированного дня и, судя по всему, с дедлайном.

Соня посмотрела на него, на конверт, торчащий из его кармана, на кота, деловито отряхивающего лапу так, будто

только что закрыл важную сделку, и на дом позади себя — со своими окнами, потрескавшейся лепниной и семью упрямыми часами наверху, — и почувствовала, как усталость окончательно уступает место чему-то куда более упрямому.

— Ладно, — сказала она. — С чего начнём?

— С того, что вы перестанете называть меня на «вы», — сказал Захар, направляясь к воротам двора. — Раздражает. И с кофе. Нормального, не из пакетика — судя по вашей кухне, вы там держите исключительно катастрофу.

— Вы совершенно не умеете утешать людей в кризисной ситуации, — заметила Соня, ускоряя шаг, чтобы не отстать.

— Никогда и не пытался, — отозвался он через плечо. — Спроси у любого, кто меня знает. Мнения разойдутся только в степени резкости формулировки.

ГЛАВА ПЯТАЯ

В которой на сцену выходит Жора, а карта города оказывается картой утрат

«Совпадение — это когда закономерность ещё не набралась наглости представиться».

из вахтенного журнала рода Мостовых, приписка на полях Кофе у Захара дома оказался неожиданно приличным — единственная вещь в его быту, судя по всему, доведённая до совершенства методом многолетних бессонных ночей. Соня сидела за столом, разглядывая секретер, полку с книгами по гидрологии и общее ощущение комнаты человека, который тратит на жильё ровно столько внимания, сколько нужно, чтобы не спать на улице, и ни каплей больше.

— У тебя тут даже занавесок нет, — заметила она.

— Занавески скрывают вид на реку, — сказал Захар, не отрываясь от вахтенного журнала, разложенного на столе рядом с ноутбуком. — А мне нужно видеть реку. Профессиональная деформация.

— Или ты просто забыл их купить.

— Или это, — согласился он, не поднимая глаз, и Соня с некоторым удивлением поняла, что за последний час они уже дважды почти рассмеялись одновременно — то, что накануне казалось невозможным при первом знакомстве с человеком, чья вежливость держалась на честном слове.

Журнал, разложенный между чашками, оказался куда информативнее, чем Соня ожидала от старой кожаной книги: карта города, вклеенная на разворот, была утыкана булавками — синими, красными, и одной-единственной чёрной, воткнутой в точку на Среднем проспекте, там, где стоял её собственный дом.

— Синие — анкерные дома, которые ещё стоят, — объяснил Захар, водя пальцем по карте. — Красные — те, что снесли за последние двенадцать месяцев. Раньше среднегодовой темп был один-два дома в пятилетку, естественная убыль, город привык компенсировать. За последний год — семь. Семь, Соня. Это уже не убыль, это чистка.

Соня наклонилась над картой. Красные булавки были разбросаны неровно — Петроградка, Коломна, две на Охте, — но при взгляде издали в их расположении читалась не случайность, а что-то вроде рисунка, будто кто-то методично стирал город с краёв к центру.

— И все они принадлежали «Новому Берегу»?

— Формально нет, — сказал Захар. — Формально три разных застройщика, три разных юрлица, никаких видимых связей. Но у всех трёх — один и тот же архитектурный отдел на субподряде, и вот тут начинается интересное.

Он развернул ноутбук к ней. На экране светилась выписка из ЕГРЮЛ, по большей части нечитаемая для человека без юридического образования, но одна строчка была выделена

жёлтым: генеральный директор компании-субподрядчика — Коваль Артемий Романович.

— Знакомое имя? — спросила Соня.

— Незнакомое, — сказал Захар, и в его голосе появилось что-то, напоминающее охотничью стойку. — А вот это уже само по себе странно. Люди в этом бизнесе на моём уровне знакомы если не лично, то через одно рукопожатие — хранители пересекаются, ругаются, одалживают друг у друга святую воду на Крещение. Этого имени я не встречал никогда. Ни на одном собрании. Ни в одном журнале, кроме нашего собственного, где оно теперь тоже появится.

• • •

Телефон Захара зазвонил в тот момент, когда Соня как раз собиралась спросить, что происходит, если хранитель вообще никому не известен — вопрос, судя по всему, крайне уместный, учитывая, как быстро Захар выхватил трубку.

— Мостовой, — сказал он вместо приветствия, и, послушав секунд десять, закатил глаза с такой выразительностью, что Соня поняла: звонящий не видит этого жеста, но явно давно к нему привык, судя по тому, что продолжал говорить, не сбавляя темпа.

— Нет, Жора, я не забыл про смену. Да, буду. Нет, не нужно присылать мне гифку с плачущим капибарой, я итак знаю, что опаздываю. Что значит «на этот раз без уважительной причины»? У меня всегда уважительная причина.

Он положил трубку с видом человека, для которого по-

добные разговоры были частью тарифного плана жизни.

— Жора, — пояснил он, увидев вопросительное лицо Со-
ни. — Коллега. Официально — сменщик по разводке мо-
стов. Неофициально понятия не имеет о существовании Из-
нанки и искренне уверен, что я просто самый угрюмый че-
ловек в ГУП «Мостотрест», у которого к тому же катастро-
фически развито чувство долга по поводу пунктуальности.
Ему так спокойнее. И мне, если честно, тоже.

— То есть у тебя есть обычная работа, обычный коллега,
обычная жизнь — и всё это поверх... этого? — Соня обвела
рукой журнал, карту, булавки.

— А ты думала, хранители Изнанки сидят где-то в баш-
не и медитируют? — Захар фыркнул, забирая у неё пустую
чашку и уже направляясь к раковине с той деловитой скоро-
стью, которая в нём проявлялась, стоило разговору коснуть-
ся личного чуть больше положенного. — Нет. Я развожу мо-
сты, плачу коммуналку, хожу на смены, слушаю Жорины ду-
рацкие гифки, а по ночам разбираюсь с существами старше
цивилизации. Совмещение, знаешь ли, экономит на психо-
терапии.

Соня посмотрела на его спину — прямую, чуть напряжён-
ную, будто последняя фраза стоила ему больше, чем он хо-
тел показать, — и решила не развивать тему, хотя что-то в
этой оговорке про психотерапию отложилось у неё в голове
отдельной, аккуратно подписанной папкой.

— Ладно, — сказала она вместо этого, возвращаясь к карте. — Раз этого Коваля никто не знает, а дома продолжают сносить — что делаем мы?

Захар вернулся к столу, посмотрел на карту, затем на чёрную булавку, воткнутую в её собственный адрес, и в его лице на секунду мелькнуло то самое выражение — сосредоточенное, почти хищное, — которое Соня уже начинала узнавать как его рабочее лицо, отличное от того, что он показывал миру в остальное время.

— Мы едем к тётке Розе, — сказал он. — Если кто-то в этом городе и знает происхождение имени, которого нет ни в одном нашем журнале, то только она. Предупреждаю сразу: она обожает раскладывать карты, обзывает всех «деточка», невзирая на возраст, и последний раз, когда я приходил к ней без предупреждения, я неделю потом ходил пахнущий пылью.

— Звучит как отличное продолжение и без того странного дня, — сказала Соня, вставая и накидывая куртку с решимостью человека, который за последние два дня уже пересмотрел собственные представления о нормальности настолько, что пыль в списке странностей заняла едва ли не последнее место.

— О, — сказал Захар, придерживая для неё дверь с преувеличенной, явно ироничной галантностью, — это только начало.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

*В которой карты не врут, а тётка Роза врёт ещё меньше
«Обиженный человек опасен. Обиженный хранитель опасен
ровно настолько, насколько велика была его вера до обиды».*

тётка Роза, цитата, записанная Захаром в 2019 году и с тех пор не потерявшая актуальности

Тётка Роза жила в полуподвале на Пятой линии, в квартире, которая официально числилась мастерской по ремонту часов — вывеска над дверью так и гласила, облупленными золотыми буквами, — а неофициально была тем местом, куда хранители всего города несли вопросы, на которые не находили ответов ни в одном журнале. Спускаться к ней нужно было по восьми стёртым ступенькам, вдоль которых кто-то, видимо сама Роза, развесил связки сухих трав такой плотности, что запах чувствовался ещё на тротуаре.

— Готовься, — предупредил Захар, взявшись за ручку двери. — Она либо обрадуется тебе как родной, либо обвинит в том, что ты принесла на подошвах чужую беду. Иногда и то и другое сразу.

— Обнадёживающе, — сказала Соня.

Дверь открылась прежде, чем он постучал.

• • •

Тётка Роза оказалась миниатюрной женщиной неопреде-

лённого возраста — где-то между шестьюдесятью и вечностью, — с копной крашенных в баклажанный цвет волос, замотанной в шаль поверх домашнего халата, и с папиросой, которая, кажется, тлела у неё в руке на постоянной основе, независимо от времени суток. Мастерская за её спиной оказалась именно тем, чем и должна была быть мастерская по ремонту часов — заваленной шестерёнками, циферблатами и механизмами всех эпох, — с той лишь разницей, что среди них были расставлены свечи, разложены карты и на отдельном столике сидел, картинно вычищая перья, крупный чёрный ворон, посмотревший на вошедших с явным неодобрением.

— Захарка, — сказала Роза, оглядывая его с ног до головы тем взглядом, каким бабушки оценивают, хорошо ли внук питается. — Опять не спишь. Опять сарказмом питаешься вместо нормальной еды. А это, — её взгляд метнулся к Соне и задержался там куда дольше, чем требовала простая вежливость, — это кто у нас?

— Софья Тихомирова, — сказал Захар. — Клавина внучатая племянница. Новая хозяйка дома на Среднем.

Роза не ответила сразу. Она подошла ближе, взяла Соню за подбородок с бесцеремонностью человека, для которого личные границы были такой же абстракцией, как и для Захара — видимо, подумала Соня, это у них тут семейная черта всего сообщества, — и долго всматривалась в её лицо, особенно в глаза.

— Жёлудёвые, — пробормотала она наконец, будто это слово что-то объясняло. — Надо же. Давно я таких не видела. Последний раз — у женщины, которая... — она осеклась, отпустила Сонин подбородок и вдруг улыбнулась широкой, совершенно неожиданной улыбкой. — Впрочем, не важно. Садитесь, деточки, чай будет, а разговор — тем более.

Захар и Соня переглянулись. В переглядывании читался один и тот же вопрос — «что она сейчас чуть не сказала?» — но ни один из них не решился озвучить его вслух.

• • •

Карты Роза разложила не гадальные — самые обычные, потрёпанные игральные, — но раскладывала их с такой сосредоточенностью, будто в колоде спрятана вся необходимая ей информация о мироздании.

— Коваль, — сказала она, когда Захар произнёс это имя, и её пальцы на секунду замерли над картами. — Артемий Коваль. Ты младше меня на сорок лет, Захарка, поэтому не знаешь. А я знала.

Она затянулась папиросой, выпустила дым в потолок, и ворон на столике издал звук, подозрительно похожий на неодобрительное фырканье.

— Он был хранителем, — продолжила Роза. — Не мостовым, не домовым — водным, таких сейчас почти не осталось, они держат баланс у самих истоков, где Нева ещё капризнее, чем у нас в городе. Хороший был хранитель. Верил в уговор больше всех нас вместе взятых — знаете, бывают такие лю-

ди, для которых долг превращается в религию. У него была дочь. Маленькая, лет пяти. И однажды Нева, — Роза произнесла это имя без всякого пиетета, как называют капризного, но всё же родного человека, — забрала не только его дом, а и её. Наводнение, какого не было полвека. Формально — стихия. По сути — цена, которую уговор потребовал именно с него, потому что цена всегда находит самое дорогое.

В мастерской стало очень тихо. Даже ворон перестал чистить перья.

— С тех пор он исчез, — сказала Роза. — Из наших кругов, из журналов, отовсюду. Двадцать лет — ни слуху ни духу. А теперь, значит, всплыл под вывеской строительной компании со спиралью в логотипе.

— Спираль — это что-то конкретное? — спросила Соня, у которой в голове эмблема на конверте до сих пор стояла перед глазами.

— Древний знак, — сказала Роза, не отрываясь от карт. — Обозначал вход в Изнанку задолго до того, как появились мосты. Коваль, если это он, не просто сносит дома. Он методично уничтожает точки, которые держат уговор — а значит, готовит момент, когда сможет разорвать его целиком. Не по злобе, деточки. По логике человека, у которого уговор забрал единственное, что имело значение, и который двадцать лет вынашивал план, как заставить город заплатить в ответ.

• • •

Роза подняла глаза от карт и посмотрела прямо на Соню

— тем же долгим, изучающим взглядом, что и в начале.

— А ты, деточка, оказалась в очень неудачном месте очень удачно, — сказала она. — Дом твоей бабки — один из последних крупных анкером в этой части города. Если Коваль дотянется до него — а по срокам в бумажке, которую ты мне не показывала, но которая написана у тебя на лице, — дотянется он быстро.

— Мы это уже поняли, — сказал Захар. — Вопрос в том, как его остановить, если официально его не существует.

— Существовать — не главное условие для того, чтобы быть опасным, — заметила Роза, собирая карты в колоду одним точным движением. — Но раз уж вы спрашиваете старуху, у которой чутьё работает лучше, чем у любого из ваших журналов, — вам нужно найти его первый анкер. Тот, что был у него самого, до наводнения. Если он и правда хочет разорвать уговор, начнёт он именно там, откуда сам когда-то был вырван. Люди — даже такие, как он, — редко умеют начинать заново по-настоящему.

Она обвела их обоих взглядом, задержавшись на том, как близко друг к другу они машинально сели за её маленьким столом, и в её глазах мелькнуло что-то весёлое, совершенно неуместное для только что рассказанной истории.

— И ещё кое-что, — добавила она, вставая, чтобы проводить их к двери. — Раз уж вы всё равно теперь работаете в паре — постарайтесь не влюбиться друг в друга раньше, чем разберётесь с концом света. Обычно это плохо сказывается

на концентрации, а концентрация вам понадобится.

— Роза, — сказал Захар тоном, в котором смущение было тщательно, но безуспешно замаскировано под возмущение.

— Что «Роза», — отозвалась она, невозмутимо подталкивая их к выходу. — Я гадаю по картам, Захарка, а не по твоему лицу. Хотя, признаться, лицо у тебя сейчас читается ничуть не хуже.

Дверь захлопнулась у них за спиной прежде, чем кто-либо из двоих успел придумать достойный ответ, и они остались стоять на стёртых ступеньках, среди запаха сухих трав, в неловком молчании, которое Соня в итоге нарушила первой.

— Она всегда такая?

— Хуже, — сказал Захар, уже направляясь наверх с чуть большей скоростью, чем того требовала ситуация. — Обычно она права ещё и в том, о чём я предпочёл бы не думать вслух. Идём. Нам нужно найти адрес, которого больше двадцати лет не существует ни в одном документе.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

В которой белые ночи оказываются удобным временем для откровений, которых никто не планировал

«В белую ночь город не даёт спрятаться даже собственным мыслям — света слишком много, чтобы притвориться, будто их не видно».

из городского паблика «Питер, ты чего»

Обратно они шли пешком — решение, которое ни один из них вслух не озвучил, но оба молчаливо приняли, свернув с проспекта на набережную вместо того, чтобы спуститься в метро. Белая ночь стояла над городом в своём обычном режиме: солнце не заходило до конца, просто скатывалось куда-то за крыши и зависало там, окрашивая небо в тот самый выцветший, но упрямый оттенок сиреневого, из-за которого туристы не спали до утра, а местные жители делали вид, что давно привыкли, хотя, по мнению Сони, привыкнуть к такому было решительно невозможно.

— Она серьёзно про архив спрашивала, где искать дом Ковалёва? — спросила Соня, поплотнее запахивая куртку, хотя воздух был тёплым — привычка, оставшаяся с холодных вечеров детства, когда куртку запахивали не от холода, а для ощущения контроля хоть над чем-то.

— Архивы тут не помогут, — сказал Захар. — Дом, разрушенный наводнением двадцать лет назад, в котором фор-

мально никто официально не жил, потому что хранители предпочитают не светиться в домовых книгах лишний раз — такой адрес не найти по запросу в МФЦ. Нужен кто-то, кто помнит лично.

— И у нас есть такой кто-то?

Захар посмотрел на неё искоса, с тем выражением, которое Соня уже научилась различать как «сейчас будет сказано что-то, что тебе не понравится, но будет правдой».

— У нас дома сидит кто-то, кому больше трёхсот лет, — сказал он. — Просто утром был занят демонстративной дремотой на комод. Подозреваю, ему есть что вспомнить.

• • •

— Ты давно этим занимаешься? — спросила Соня чуть позже, когда они уже шли вдоль гранитного парапета, а тёмная вода Невы плескалась внизу с тем особым спокойствием, которое, как теперь знала Соня, было обманчивым примерно на сто процентов.

— С восемнадцати, — сказал Захар. — Официально должность передаётся, когда предыдущий хранитель решает, что готов. Дед решил, что готов, когда мне было восемнадцать, а сам он к тому моменту еле ходил. Так что вопрос готовности, если честно, был весьма относительным.

— А родители?

Он ответил не сразу — достаточная пауза, чтобы Соня успела пожалеть о вопросе, но недостаточная, чтобы она успела извиниться.

— Отец умер, когда мне было двенадцать, — сказал он ровным голосом, каким обычно говорят о вещах, которые давно перестали быть свежей раной, но так и не превратились до конца в зажившую. — Не мост виноват, обычная больница, обычная скучная причина. Мать не выдержала работы деда — не по крови её линия, вошла в семью замужеством, а долг по крови не передаётся, только соглашением, — и уехала, когда мне было пятнадцать. Раз в год звонит на Новый год. Мы оба делаем вид, что это нормально.

— Захар...

— Не надо, — сказал он, но без резкости, скорее с усталой мягкостью человека, который слышал утешения столько раз, что они перестали доходить до адресата. — Я не рассказываю это для сочувствия. Рассказываю, потому что ты теперь тоже в этом — а с людьми, которые в этом, я обычно честен. Экономит время и нервы всем в перспективе.

Соня кивнула, хотя он не смотрел на неё, глядя куда-то на воду, и решила ответить тем же — честностью, не жалостью.

— У меня родители живы, но мы как-то... разошлись по интересам лет в двадцать, — сказала она. — Не поссорились, ничего драматичного. Просто выяснилось, что нам особо не о чем разговаривать, если убрать вопросы про работу и погоду. Баба Клава была почти незнакомкой, а теперь я знаю про неё больше, чем про собственную мать. Забавно, как это работает.

— Не забавно, — сказал Захар. — Типично. Семьи храни-

телей вообще плохо справляются с обычной семейной жизнью — слишком много секретов, которые нельзя рассказать, слишком много ночей неизвестно где. Дед один раз сказал мне, что уговор с Невой — не единственный уговор, который заключает Мостовой в течение жизни. Просто второй заключается не с рекой, а с людьми, которых теряешь, потому что выбираешь долг.

Он произнёс это с той же ровной интонацией, но Соня уловила в голосе что-то похожее на предупреждение, адресованное скорее самому себе, чем ей.

• • •

Дома их встретил Тимофей Кузьмич — уже не с комода, а с подоконника, откуда он, судя по позе, наблюдал за набережной с тем видом, каким смотрят люди, ожидающие гостей, которых сами не звали.

— Ну наконец-то, — сказал он, не оборачиваясь. — Я слышал вас ещё с угла Тучкова моста. Роза, значит, всё-таки рассказала про Ковалю.

— Ты знал? — спросила Соня, опускаясь на кровать с усталостью человека, для которого этот день растянулся на несколько недель.

Кот наконец обернулся, и в его глазах — жёлтых, вертикальный зрачок сузился до нити — мелькнуло что-то, чего Соня прежде у него не видела: не насмешка, а нечто похожее на застарелую, тщательно упакованную грусть.

— Я служил в его доме, — сказал Тимофей Кузьмич. —

До Клавы. До этого. Артемий Коваль был хорошим хозяином — не идеальным, но справедливым, что для домового значит куда больше. У него была дочь, Верочка, вот такого роста, — кот показал лапой уровень примерно от пола, — и она единственная во всём доме умела почесать меня правильно, за левым ухом, где чешется сильнее всего.

Он замолчал на секунду, и в этой паузе Соня и Захар не решились его торопить.

— В ночь наводнения я был на другом берегу — глупая случайность, кот-курьер с посланием для соседнего анкера, — сказал кот наконец. — Когда вернулся, дома уже не было. Только вода. Я не смог найти ни Артемия, ни Верочку среди тех, кто выжил, а искать среди тех, кто не выжил, домовые не умеют — мы привязаны к живым, не к мёртвым. Через месяц Клавдия Игнатьевна взяла меня к себе, потому что дом без анкера мне искать было некуда. Больше я о нём не слышал. До сегодняшнего дня.

— Ты знаешь адрес? — тихо спросила Соня.

— Уткина заводь, — сказал кот. — Старый промышленный район выше по течению, там, где Нева ещё не совсем городская. Дом снесли официально после наводнения как аварийный, но фундамент, насколько я знаю привычки анкерных домов, никуда не делся. Такие места редко исчезают до конца. Они просто ждут, пока кто-нибудь вспомнит дорогу.

Захар молча кивнул, будто отмечая что-то у себя внутри — не в блокноте, а в том месте, где хранились решения, —

и посмотрел на Соню с выражением, в котором усталость от долгого дня боролась с чем-то похожим на азарт.

— Завтра, — сказал он. — Сегодня ты спишь, а я собираю снаряжение. Уткина заводь — не то место, куда стоит соваться на голодный желудок и без нормального фонаря.

— А если Коваль уже там?

— Тогда, — сказал Захар, направляясь к двери с видом человека, у которого появился план, и от этого — впервые за вечер — по-настоящему прямая спина, — будем разговаривать. Я, конечно, предпочитаю сначала бить, потом договариваться, но у человека, который двадцать лет носил в себе такое горе, наверное, стоит для начала спросить, зачем.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

В которой выясняется, что у Захара есть список снаряжения на случай конца света, и список этот пугает больше самого конца света

«Горе — единственная вода, которая не подчиняется руслу».

из вахтенного журнала рода Мостовых, автор записи неизвестен

Список снаряжения, который Захар разложил на кухонном столе следующим утром, выглядел так, будто его составлял человек с богатым опытом одновременно в спелеологии, экзорцизме и рыбалке: фонарь на аккумуляторе, моток бечёвки, мешочек крупной соли, три старинные медные монеты с истёртым профилем, компас, который, как заметила Соня, указывал совсем не на север, и термос — единственный предмет в этом наборе, вызывавший у неё доверие без дополнительных вопросов.

— Монеты — зачем? — спросила она, вертя одну в пальцах. Профиль на ней стёрся настолько, что императора можно было опознать разве что по общей позе исторического недовольства.

— Плата за проход, — сказал Захар, не отрываясь от проверки фонаря. — Река старая и любит формальности. Придёшь на её территорию без подношения — сочтёт невежли-

вым. А невежливость Нева не прощает, ты уже, кажется, читала похожую цитату на титульном листе бабкиной судьбы.

— Компас сломан.

— Компас показывает не на север, а на ближайший анкер, — поправил он. — Просто сегодня утром ближайший анкер — это твоя собственная комната, поэтому стрелка крутится как ненормальная. Как только выйдем за пределы города в старом понимании, начнёт вести себя прилично.

Тимофей Кузьмич, наблюдавший за сборами с подоконника, свернувшись в позе глубокого философского безразличия, счёл нужным добавить:

— Я с вами не пойду. Домовые плохо переносят места, где дом уже умер — слишком похоже на напоминание о собственной смертности. Но буду держать связь через дом, если что-то пойдёт не так.

— Утешает, — пробормотала Соня, накидывая рюкзак.

• • •

Уткина заводь встретила их тишиной особого рода — не отсутствием звука, а его нарочитой сдержанностью, будто место специально приглушило все шумы, чтобы лучше слышать шаги гостей. Электричка довезла их до края города за сорок минут, а дальше пришлось идти пешком вдоль насыпи, среди ржавых остовов промышленных построек девятнадцатого века, поглощённых борщевиком и молодыми клёнами с той методичностью, с которой природа берёт назад всё, что человек оставил без присмотра.

Нева здесь была другой — не парадной, не гранитной, а дикой, тёмной, с крутыми глинистыми берегами, поросшими ивняком, и с течением, которое казалось быстрее и злее, чем в центре города, будто, отойдя от туристических набережных, река наконец позволяла себе не притворяться воспитанной.

— Приятное место для отпуска, — заметила Соня, перепрыгивая через особенно коварную промоину.

— Дед возил меня сюда в детстве, — сказал Захар. — Говорил, что каждый Мостовой должен хоть раз увидеть Неву без макияжа. Тогда я думал, что это метафора. Сейчас понимаю, что дед был на удивление буквален для человека, обычно изъяснявшегося исключительно намёками.

• • •

Фундамент они нашли там, где компас Захара наконец перестал крутиться и уверенно указал в сторону заросшего пустыря между двух покосившихся складов. От дома, судя по всему, остались только нижние венцы — почерневшие, вросшие в землю брёвна, обрисовывающие контур комнат, которые когда-то были кухней, гостиной, детской. Трава здесь росла гуще, чем вокруг, неестественно яркая, будто фундамент всё ещё кормил что-то, что давно должно было умереть вместе с домом.

Соня ступила на границу этого контура — и мир вокруг неё вдруг стал плотнее, будто воздух загустел, а звук воды из отдалённого шума превратился в нечто гораздо более лич-

ное, будто река придвинулась вплотную к уху.

— Ты чувствуешь? — тихо спросил Захар, следивший за её лицом с напряжённым вниманием.

— Тут кто-то есть, — сказала Соня, сама удивляясь уверенности собственного голоса. — Не Коваль. Что-то... младше. Растерянное.

Из тени покосившегося склада — там, где ей быть решительно не полагалось средь бела дня, — начала сгущаться фигура: невысокая, детских пропорций, соткана будто из речного тумана и невнятного контура старого летнего платья. Она не шла — покачивалась, как отражение на воде, которое не может определиться с формой, — и в тишине пустыря вдруг раздался тонкий, размытый, совсем детский голос:

— Папа обещал вернуться до темноты.

Захар замер. Соня почувствовала, как у неё сжимается горло.

— Верочка, — сказал Захар очень тихо, будто боялся спугнуть. — Меня зовут Захар. Я не обижу тебя. Мы ищем твоего папу.

Фигура вздрогнула — точнее, вздрогнул сам туман, из которого она была соткана, — и тонкий голос повторил, чуть громче, с той настойчивостью, с которой маленькие дети повторяют фразу, если им кажется, что их не расслышали:

— Он обещал. До темноты. Он всегда возвращается до темноты.

• • •

— Она застряла, — прошептала Соня, чувствуя, как к горлу подступает совершенно неуместное на месте предполагаемой опасности желание разрыдаться. — Не призрак, не совсем. Она — эхо того вечера, заикнувшееся здесь, потому что дом умер вместе с ней, а анкер так и не завершил передачу.

Она сама не до конца понимала, откуда взялось это знание — оно просто было, будто пришло не из головы, а из чего-то более старого, унаследованного вместе с комнатой и семьёю упрямыми часами.

Захар посмотрел на неё быстро, с удивлением, которое тут же спрятал за деловитой сосредоточенностью.

— Что делать с заикнувшимся эхом, я знаю, — сказал он, доставая из мешочка одну из медных монет. — Обычно нужно завершить то, что не завершилось. Дать эху понять, что ждать больше не нужно.

Он шагнул вперёд, но Соня удержала его за рукав.

— Не ты, — сказала она. — Меня. Я хранительница дома, а она — часть недостроенного дома. Дай монету.

Что-то в его лице дрогнуло — тот самый инстинкт защищать, который она уже начинала узнавать за его вечным сарказмом, — но он всё же вложил монету ей в ладонь, и в этом жесте было куда больше доверия, чем в любых произнесённых накануне словах.

Соня опустилась на колени у почерневших брёвен, туда, где, судя по контуру, когда-то была детская, и протянула мо-

нету туманной фигуре — не как подношение реке, а просто как жест, каким протягивают руку испуганному ребёнку.

— Он не смог вернуться, — сказала она тихо, тщательно подбирая слова, будто от их точности зависело что-то настоящее. — Не потому что не хотел. Вода была сильнее его в тот вечер. Но он искал тебя. Ищет до сих пор, каждый день, все эти двадцать лет. Тебе больше не нужно ждать у окна, Верочка. Пора отпустить дом.

Туманная фигура застыла на мгновение — а потом, как выдох, как дым от погасшей свечи, начала рассеиваться, растворяясь не с ужасом, а с каким-то тихим, почти благодарным облегчением, и последним, что донеслось до них, прежде чем силуэт исчез окончательно, был не крик и не плач, а тихий детский смех — короткий, светлый, совершенно неуместный здесь и от этого особенно пронзительный.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.